

*Моей маме,
без искраметного юмора которой
текст ни за что не получился бы
таким позитивным.*

Автор

Глава 1

ВОЛШЕБНЫЕ ТРУСЕЛЯ

Труссы были до невозможности позорные: белые, в крупную ярко-алую клубничку с ядовито-зелеными листочками. Покрой тоже не радовал. Похожие мама покупала мне лет десять назад — с высокой талией, симпатичными рюшечками и алой тесьмой. Я взирала на чудо магического произвола, приподняв подол серой форменной юбки студентки пансиона, которой не являлась уже несколько часов.

— Ну папа-а-а! — в десятый раз простонала я, стараясь, чтобы голос звучал как можно тоньше и противнее. — Ты надо мной издеваешься, да?

— Нет! — Мой отец, достопочтенный ректор Имперской академии магических искусств, сурово смотрел на меня, восседая за массивным дубовым столом. — Это ты надо мной издеваешься! Кассандра, тебе семнадцать! Всего лишь семнадцать лет! Твое поведение даже для магички недопустимо, а уж для студентки пансиона благородных девиц и подавно!!!

— Так и брал бы меня сразу в магички! Нечего пытаться сделать из вольного ветра благородную

даму! — пафосно воскликнула я и почти сразу поняла, что перегнула.

Родитель едва сдержал издевательский смешок.

— Вольного ветра? Упрямой идиотки!

— Сам виноват! Надо было сразу зачислять в академию, еще полгода назад! Я ведь честно поступила.

— Теперь-то уж точно возьму! Будешь у меня под строгим родительским надзором изучать смертельные проклятия!

— А это зачем? — Я со всхлипом повернулась к нему, демонстрируя свое «веселенькое» нижнее белье.

— А это... — Родитель поморщился, видимо, магическое произведение ему самому не сильно нравилось. — Чтобы у меня было спокойно на душе! Скажи спасибо, что я тебе не металлический пояс верности нацепил, поганка! Инструкция на столе. Снять нельзя. Разговор окончен!

Я всхлипнула, схватила со стола инструкцию и рванула в коридор.

— Далеко не уходи! — крикнули мне вслед. — Сейчас знакомиться с другими млекопитающими пойдешь. Нужно же предупредить болезных, что в их бараньем стаде пополнение. Да еще такое сомнительное!

Отвечать не хотелось, поэтому я хлопнула дверью так, что задрожали косяки, и, надувшись, уселась в приемной на низкий кожаный диванчик. Настороженно-любопытный взгляд секретарши, по мне — слишком молодой и красивой, чтобы

работать со студентами, — я проигнорировала. Посмотрела на свиток с инструкцией на сероватой бумаге, но решила изучить ее позже. Настроение было ни к демону!

Не, безусловно, я во всем виновата сама. Папа планировал сделать из меня светскую даму, надежду и опору семьи — только так меня можно было выгодно выдать замуж, а я хотела быть магичкой, как мама. Поэтому и ставила на уши пансион благородных девиц, пока все же не добилась своего. Папа перевел меня в академию магии! Но, дьяволы, я же не знала, что победа достанется мне такой ценой!

При воспоминании о труселях в клубничку меня пробивала нервная дрожь. Интересно, как в них в туалет ходить? И в душ... И когда с меня их снимут?! Очень надеюсь, не перед выпуском или, того хуже, перед свадьбой! Не переживу. Шушель бы побрал папины эксперименты!

А ведь план был хорош! Когда постоянные прогулы, две драки и подожженные в кабинете кураторши занавески не возымели никакого действия и привели только к тому, что меня закрыли на неделю в келье на черном хлебе и воде, я пошла ва-банк. Нашла в трактире первого попавшегося симпатичного парня и предалась с ним разврату на подоконнике общежития пансиона благородных девиц. Ну как предалась... Нас застукали раньше.

Итог оказался закономерным. Директриса не выдержала, меня отчислили, а папенька, у которо-

го не осталось иного выхода, забрал меня с руганью и проклятиями себе под крылышко, в академию. Правда, на теоретический, а не практический факультет, на отделение смертельных проклятий, мотивировав свой выбор тем, что там мне, «змеюке», и место. Но факультет — это дело поправимое. Все получилось так, как мне хотелось. Впрочем, я всегда получала то, что хочу. Как и мама.

Только вот труселя в виде бесплатного приложения к обучению в академии я не заказывала. Задача номер один — от них избавиться, и как можно быстрее. Не дай демоны, кто увидит! Позору не оберешься. Быть мне здесь не опасной для общества заводилой, к статусу которой я привыкла, а белой вороной. Ну уж нет! На такое я не подписывалась.

Я не успела появиться в академии, а уже стала весьма известной персоной. Еще бы! Меня через весь холл и по центральной лестнице, словно барана на плече, нес сам ректор, а я неприлично ругалась, болтала ногами и сыпала проклятиями, к счастью, пока самыми обычными, магическим мне еще предстояло научиться. Огненно-рыжие, похожие на гриву пони волосы практически подметали ступеньки. Ленту из косы я потеряла раньше, пока спасала от разгневанного папеньки свой зад.

Моему несостоявшемуся любовнику повезло больше: он сиганул в окно и позорно сбежал. Благо этаж был второй. Вообще, я думала, папа кинется за ним, а не сразу же примется пороть ме-

ня. Парня жалко не было, я его едва знала. Жаль, что ошиблась. Мне досталось больше.

Я хотела войти в двери академии победительницей, а не въехать на плече отца, словно баран на заклание. Я бы вообще предпочла, чтобы о нашем родстве никто не знал. Но у папы были свои планы, и он решил меня представить всем лично.

Причем пренеприятнейшим образом. Из своей приемной он потащил меня за руку в самое людное место — столовую во время ежедневного ужина, чтобы уж точно никто не пропустил моего появления. Причем потащил прямо в таком виде, как и была — растрепанную, в помятой одежде ученицы пансиона благородных девиц и Трусуля (про себя я именовала их именно так — с большой буквы). Трусуля, конечно, никто не видел, но я знала: они на мне есть, и испытывала из-за этого дикий дискомфорт и ярость, которая пока не могла найти выхода.

Арион фон Расс взял меня за руку и вытащил за собой на деревянный помост-сцену.

— Разнополюые недомаги! Слушаем сюда! — гаркнул он.

Я даже голову в плечи вжала. От рева заложило уши.

В столовой воцарилась полная тишина, и все головы повернулись в нашу сторону.

— Вот эта юная — хотелось бы сказать: леди, но врать не в моих правилах, — наша новая студентка! Почему столько пафоса, спросите вы? А потому что она, к великому сожалению, моя

дочь! Существо взбалмошное, социально опасное и не поддающееся контролю и перевоспитанию. Змеюка, чтоб ее! Я, как родитель и педагог со стажем, расписываюсь в своей профнепригодности. Из пансиона благородных девиц ее выгнали за непристойное поведение, а наши стены и не такое видывали. Бойтесь ее и обходите, по возможности, стороной. Особенно это касается мужской части вашего бараньего стада, так как девушкам грозят только те неприятности, в которые их сможет втянуть моя дочь, а парням полный набор обеспечу я.

Ректор нехорошо улыбнулся и обнажил внушительные клыки — совершенно немислимое дело, обычно он не позволял себе такого, если не собирался вступить в открытый бой, а тут не утерпел. Или я просто чего-то не знаю о папиной работе в стенах академии?

Я тяжело вздохнула, опустила глаза, прошептала под нос: «Зато я буду магичкой, как мама» — и торжествующе улыбнулась. Как же я хотела здесь учиться!

Это было три дня назад. За столь короткое время я успела раз пять пожалеть о своем решении. Точнее, о своем поведении, которое навело папу на мысль забрать меня в стены магакадемии. Учиться тут было трудно, непроходимых дур преподаватели не любили, а я пропустила полгода занятий и за умную сойти не могла. Если на спецпредметах мне давали поблажку и возможность нагнать, то на общеобразовательных было реаль-

но стыдно. Полгода в пансионе я ничего не учила принципиально, а сейчас жалела об этом.

Моей соседкой по комнате оказалась светло-волосая, похожая на ангела пифия Сильвена. Папа мотивировал выбор так:

— Две неадекватные девицы пубертатного периода быстро найдут общий язык. Так что, болезненная кликуша, принимай к себе под крылышко мою змеюку! — обратился он к Сильвене, и та покорно кивнула, проигнорировав оскорбление ректора.

Не была бы я его дочерью, точно бы возмутилась. Но в стенах академии к папиному нраву, похоже, привыкли, и весь ор просто пропускали мимо ушей. Надо будет тоже попробовать. Судя по глазам, вспыхнувшим алым, его это злит. Папочка у меня на четверть демон — отсюда буйный нрав, любовь к оскорблениям, клыки, краснеющие в минуты гнева глаза и завидная сила, — но зато он меня любит. Иногда странной любовью, но все же.

Родитель оказался прав. С Сильвеной мы очень быстро подружились. Видимо, он не сильно на меня злился, а то бы подсунул по-настоящему несносную соседку или, того хуже, поселил бы с собой. Впрочем, может, просто пожалел окружающих. Я умела мотать нервы тем, кто мне не нравится. Именно поэтому папа даже не предложил жить вместе с ним в ректорских покоях. Знал, что свое недовольство я буду выражать постоянно и различными каверзными способами. Как-то, лет в четырнадцать, я сыпанула ему на полотенце

и нижнее белье красного перчика. Но тогда я действительно была обижена. Папа выгнал мою первую любовь взашей. Я рыдала три дня и мстила. Правда, парень того не стоил. Он был рыж, конопат и пытался стырить фамильное серебро, но кого в четырнадцать волнуют такие мелочи?

Соседка по комнате оказалась первым лучиком света в моем мире, который погрузился во мрак после того, как папа осчастливил меня Трусеями. Она, как и я, презирала условности и плевала на общественное мнение, только я была буйным экстравертом, жаждущим общения и новых впечатлений, а Сильвена — интровертом со стадом таракашек в голове и весьма странным вкусом в одежде.

С Трусеями я тоже в конечном счете подружилась. Они услужливо исчезали в душе и еще в некоторые не менее важные моменты и плотно льнули к телу, едва на горизонте показывались представители противоположного пола. Мне иногда казалось, будто Трусея разумны. Это заставляло нервничать и с удвоенной силой искать возможность от них избавиться. Кто знает, где разум в этом предмете туалета находится и как себя проявит?

Папа проболтался, что это его изобретение. А я просто не вовремя попала под руку, и испытать Трусея он решил на мне. Я мстительно подумала, что никогда не буду помогать ему демонстрировать свое изобретение. Хотя подозревала: он начнет меня упрашивать довольно скоро — перед ежегодным съездом магов. Вот ни

за какие блага не поддамся ни на какие уговоры. И вообще, сделаю все возможное и уничтожу экспериментальный образец. Плевать, сколько было в него вложено сил и сколько он может принести в семью денег.

Первая неделя в академии оказалась самой сложной. Приходилось постоянно чувствовать себя глупой, ничего не знающей и вообще слабым звеном в потоке. Преподавателей я раздражала, и нередко они пытались отыграться на мне за очередную выволочку от ректора. Новые сокурсники косились подозрительно и уже заранее боялись, видя во мне воплощение отца и помня его слова. Хотя я даже не могу сказать, что они были не правы. Характер у меня был еще тот, папа, правда, грешил на мамины гены. Но, сдается мне, лукавил. Воспитывал-то меня он, мама у нас была красива, непостоянна и очень занята. Она давно жила самостоятельно и лишь изредка баловала меня своим искрометным вниманием. Ее приезд всегда походил на торнадо. Наш хрупкий мир разбивался вдребезги, очередная папина любовница собирала чемодан, не выдержав конкуренции, я, сраженная харизмой родительницы, начинала обожать маму с удвоенной силой, а папа после ее отъезда долго восстанавливал душевное равновесие.

Постепенно в академии все нормализовалось. Я худо-бедно освоилась, обзавелась друзьями, точнее подругами. Парни все же предпочитали со мной не связываться, помня об угрозах ректора,

хотя посматривали заинтересованно. Боги внешностью меня не обидели, и я любила выделяться из толпы. Если в пансионе благородных девиц это порицалось и мои вызывающе рыжие волосы приходилось прятать в косу, то здесь я могла блистать. Даже начала наслаждаться жизнью, когда поняла, что в состоянии нагнать сокурсников практически по всем предметам, но именно в тот момент начались Неприятности с большой буквы.

Светило солнышко, настроение было радужным, несмотря на начало учебной недели. Пары закончились пятнадцать минут назад, и наорала на меня сегодня только Леонэлла фон Сирр, преподававшая спецпредмет «Разновидности проклятий и их основные отличия», но Крисс — мой напарник по опытам — успокоил, сказав, что вредная тетка злится на меня больше из-за давней вражды с отцом, нежели из-за моих неудач, и всего лишь замещает молодого препода, который сейчас в командировке. А он мужик хоть и требовательный, но нормальный. С ним можно договориться, особенно если ты — симпатичная дочка ректора.

— Понимаешь, — хитро подмигнул мне черноглазый Крисс, — твой отец — научный руководитель Демиона фон Арриса. Не будет Демион к тебе придирается. Думаешь, заняться ему больше нечем?

После этих слов настроение стало еще лучше, и я глупо улыбалась, когда мы с Сильвеной шли в столовую, где сегодня на обед обещали мясо

и овощи. Об этом мясе я грезила с вечера пятницы. Выходные дни у нас были рыбными, а рыбу я терпеть не могла.

Неприятный сюрприз ожидал за поворотом. Так бывает всегда. Идешь, жизнью наслаждаешься, мечтаешь о вкусном обеде, а тут...

— Ы-ы-ы... — выдала я и попятилась к стене, попытавшись спрятаться за хрупкую и бледную, словно тень, Сильвену. Сильвена отвлеклась от своих грез и удивленно спросила:

— Касс, ты что?

— Ы-ы-ы... — повторила я, все же забилась в нишу у стены и стала оттуда наблюдать за тем, как высокий молодой человек в пыльном черном плаще грозно отчитывает одного из самых больших оболтусов нашего курса — огненно-рыжего красавца Леона.

— Касс, я не понимаю твоих «ы-ы-ы», — буркнула Сильвена. — Пошли уже. Что ты жмешься и мычишь, как умалишенная?

— Не-а, не пойду! — пискнула я, желая раствориться и стать незаметной, но с моей внешностью это было невозможно.

В академии, в отличие от пансиона благородных девиц, больше следили за успехами студентов, чем за внешним видом подопечных. Поэтому можно было ходить с распущенными волосами. Они горели, словно сигнальный костер, развевались за спиной, как пламя, и привлекали ко мне внимание, в том числе и из-за темно-синего форменного платья. Если Сильвена в нем ка-

залась бледным голубоватым призраком, то мне оно прибавляло яркости. Не заметить нереально.

Вот он и заметил. В глазах появился огонь, и молодой человек резко шагнул в мою сторону, уперся в стену руками и обличительно выдохнул мне в макушку:

— Ты!

Сильвена, пискнув, отскочила, едва парень бросил на нее тяжелый взгляд. Студенты разбежались из коридора, как мыши, а я испуганно жалась и выдавала: «Ы-ы-ы», — старательно мотая головой из стороны в сторону и всем своим видом показывая: «Нет, не я».

Не узнать его было невозможно. Пронзительные синие глаза, пленившие меня при первой встрече, невероятно чувственные губы и платиновые, совершенно нереального оттенка волосы, словно в них запутались лунные лучи. Он был хорош. У меня даже подгибались колени и мутнело в глазах. Я не просто так выбрала его для осуществления своего дерзкого плана и совсем не виновата, что карты спутал появившийся папа и моему знакомому, имени которого так не удалось узнать, пришлось сбежать. Ну а то, что приврала малость про возраст и положение, так это от безвыходности. У него на лбу было написано: свращать студентку-первокурсницу не станет.

— Ты меня преследуешь, да?

От презрительного выражения пронзительных глаз мне стало плохо. Ну зачем он сразу так? Я сама несколько потрясена встречей.

— Не-е-е, не, — проблеяла я, пытаюсь найти пути отступления. Честно сказать, впервые за многие годы я была близка к состоянию, когда хочется заорать: «Па-а-а-па!!! Спаси меня скорее-е-е!» И ведь примчался бы спасать, но я пока была на него зла, поэтому сдержалась.

— Какого шушеля ты тут делаешь? — уже спокойнее поинтересовался парень и приблизился. Он был очень зол. Даже на скулах заходили желваки.

— У-у-учусь... — Я бы хотела отвечать полно и красиво, но могла только нечленораздельно мычать.

— Так. — Парень отступил и взъерошил необычные, лунного цвета волосы. — Учишься, значит, — в его голосе звучала угроза. — А в пансионе младшие курсы курируешь, ты ведь так мне говорила? Сначала. — Синие глаза потемнели, а у меня задрожали руки и, подозреваю, упругие кудряшки вокруг лица.

— Там... — Я сделала несчастные глаза (с папой обычно срабатывало). — Там я училась... ну, до того как...

— То есть ты врала. — Он слегка прикусил нижнюю губу, вероятно, в задумчивости, а у меня сердце пропустило удар, а потом бухнуло, как набат.

Этот жест покорила меня еще в трактире. Парень не специально пытался привлечь внимание, но, боги, как же это было волнующе! Даже кровь закипала. Он опустил глаза, а потом вдруг неожжи-

данно посмотрел на меня, заставив подогнуться ставшие ватными ноги.

— Может, расскажешь правду, а то, знаешь ли, прыжок со второго этажа не прошел даром. До сих пор немного прихрамываю. Ты мне должна.

— Ну... Извини за прыжок... — Я пожала плечами и, почувствовав, что мой знакомый несколько опешил и утратил бдительность, поспешила улизнуть.

Как я неслась по коридору! Никогда с такой скоростью не бегала. Даже пообедать зайти не рискнула. Отсиделась в женском туалете, переводя дыхание, и перебежками пробралась в общагу, выдохнув только в уже ставшем родным коридоре.

В нашей комнате Сильвены не было. Моя соседка обнаружилась в триста тринадцатой. Мы там частенько собирались вечерами на девичьи посиделки. Настолько разную компанию найти было сложно. Лира — высокая статная воительница. Умница и красавица. Риз — хохотушка, добрейшей души существо, наивное и доверчивое. Сильвена — больше похожая на призрак, нежели на человека. Ну и я — рыжее проказливое недоразумение.

— И чем ты прогневала самого молодого и талантливоего препода академии? — поинтересовалась Лира, которая мне напоминала валькирию. — Сильвена говорит: он метал молнии, хотя обычно спокоен и вежлив.

— Он тут преподает? — Я сглотнула и присела на пол рядом с ее кроватью, натянув подол на ко-

лени. Перспективы вырисовывались не слишком радужные.

— Ага. Некоторые предметы. — Лира погладила меня по волосам и улыбнулась. Ласково, словно умалишенной. — Расскажешь, что там у вас произошло? А то нам интересно.

— Девочки, я попала...

— Выпьешь? — мигом подорвалась кареглазая хохотушка Риз. — У меня как раз настоечка готова. Фирменная!

— Риз... — Сильвена надулась. — У тебя одно лекарство от всего! Настойка. Пить вредно!

— Так они разные! Для каждого случая особенная. Как лекарство! — Риз махнула рукой и притащила большую бутылку с чем-то янтарно-золотым и периодически вспыхивающим.

— Не соглашайся, — наставительно заметила Сильвена и покосилась на бутылку практически с ненавистью. — Поверь моему опыту. С этого лекарства голова поутру болит так же, как с дешевого самогона.

— Не пила, не знаю, — призналась я.

Лира добавила:

— Так меру надо соблюдать!

— Принимая во внимание все аргументы, отказаться не могу. Не сейчас. — Я вздохнула и переместилась ближе к столу, на котором кроме печенюшек, чашек с чаем и конспектов валялась засушенная лягушачья лапка из запасов Риз, кастет, принадлежащий Лире, и еще масса разных мелочей.

— Ну как, расскажешь? — поинтересовались подружки после того, как я опрокинула полкружки тягучей сладкой настойки.

— Не только! — ответила я, смахнув выступившие слезы. — Еще и покажу.

И принялась каяться.

— Можно, начну издалека? — поинтересовалась я у девчонок и, не дожидаясь разрешения, продолжила: — Мама у нас — огонь! Яркая, умная, своевольная и папу бросила, когда мне было лет пять. С тех пор радуется редкими набегами...

— Бедная Кассандрочка... — сразу же вздохнули девчонки.

— Нет, мы привыкли и... — Я задумалась. — Понимаете, мамы бывает очень много. После ее появления воспоминания хранятся в душе долго. Не знаю, смогла бы я жить с ней постоянно. Так вот, я очень на нее похожа: и внешне, и по характеру. Слабое подобие, конечно, но папа дико боится, что вырастет из меня нечто столь же неуправляемое, опасное для общества и полностью лишенное материнского инстинкта. А он же хочет для своей деточки достойного мужа, а для себя — стайку рыженьких внуков. Не сейчас, но в перспективе.

— И? — нахмурилась Сильвена, которая, похоже, потеряла нить разговора. — И при чем тут разозленный препод?

— Папа и слышать не хотел о магакадемии, хотя способностями я не обделена.

— А мама у нас магичка? — поинтересовалась самая сообразительная Лира. На ее высоком лбу пролегла складка.

— Именно. И он меня отправил в пансион благородных девиц, видимо, запомнявав, что я никогда не делаю того, чего мне не хочется. В пансионе строгие нравы, и не таких, как я, обламывали, но есть один пунктик... — Я хитро улыбнулась. — Сколько бы денег ни отстегнули родители воспитанницы, если она предается разврату в холле общежития на подоконнике прямо перед комнатой комендантши... отчисления все равно не миновать.

— И ты... — Риз, щеки которой вспыхнули, даже рот ладошкой прикрыла.

— Ну а что я? — Мне внезапно стало стыдно, и краска прилила к лицу. — Не было ничего. Я же время подгадывала под папин приезд, но не учла двух моментов... Слишком тщательно выбирала парня — хотела, чтобы уж точно сработало. Нашла взрослого и красивого. Наврять, конечно, с три короба пришлось...

— Это был... — на лице Сильвены мелькнул ужас.

— Представляете! — в сердцах выдохнула я и потерла виски руками.

— А отец знает? — сглотнула побледневшая Риз.

— Нет, конечно. — Я даже поперхнулась. — Этот ваш препод как только понял, что я ни разу

не куратор младших курсов, а сама первокурсница, сразу же дал деру. Сейчас я понимаю, как повезло, что застукала нас комендантша, а папа видел только растрепанную меня и убегающего через сад парня. Войди он на миг раньше... — Я замолчала, чувствуя, как холодеют пальцы. — Наверное, не было бы больше в академии молодого и талантливое преподавателя. Папочка у меня суров.

— Но своего-то ты добились... — уточнила Лира, которая не изменила своей привычке и постаралась найти положительный момент в непростой ситуации.

— Ага, — мрачно заявила я и задрала юбку, демонстрируя Трусея. — Только, так сказать, с обременением.

Риз сразу же захихикала, зажав ладошкой рот. Лира наклонилась чуть ближе, два раза моргнула, но так и не смогла понять, в чем тут дело, а Сильвена задумчиво произнесла:

— Касс... ну, я, конечно, не особенно слежу за модой, но мне кажется, сейчас такое не носят... ты уж извини. Это твое дело, но...

— Знаю, что не носят! — Я раздраженно одернула юбку и посмотрела на подруг несчастным взглядом. — Это папочка постарался. Его тонкая душевная организации не выдержала. Он в красках представил, как далеко я могу зайти в следующий раз, и обезопасил меня таким вот причудливым образом. Я их назвала... — голос понизился до шепота, — «Трусея верности». Как вам подарочек?

— Ужас! — Лира даже от меня отодвинулась, словно от прокаженной. — Как же ты в туалет...

— Да с этим все нормально! Тут заклинание предусматривает! Но вот об отношениях с противоположным полом придется забыть! Не то чтобы есть с кем... Но сам факт возмущает! Мне кажется, эти шушелевы Труслея разумны! Они... — Я даже покраснела. — Они один раз меня даже за попу ущипнули, когда Крисс ко мне сзади в столовке прижался! Вот скажите, я-то тут при чем?! Едва сдержалась тогда, чтобы не заорать. Короче, девочки, нужно придумать, как их снять и уничтожить, как можно скорее. Это изобретение — угроза всем нам. Не снимем сейчас с меня — в следующем году пол-академии будет разгуливать в подобной красоте. У кого слоники, у кого мишки, ну или, как у меня, клубнички, шушель их поberi!

— Как он мог?! — Сильвена даже попыталась всплакнуть и, увидев недоуменные взгляды, пояснила: — Как твой папа мог так поступить! Это же ущемление прав!

— Сильв, — отрезала Лира. — Ты сейчас в курсе, про кого говоришь? Он в прошлом году Эриссу фон Зирру приковал наручниками к кафедре, так как она сказала, что не намерена терпеть этот беспредел и уходит тотчас. А вести аромагию было некому. И его не смутили даже клятвы написать в совет магов! О каких правах ты говоришь?

— Папа может... — вздохнула я, признавая правоту Леры, а она мрачно заметила:

— Чую, скоро нас всех так ущемят, Кассандра права. С этим нужно что-то делать!

— Что именно? — воскликнула я. — Против лома нет приема. Поверьте. Я испробовала все. Не в этом конкретном случае, а вообще. Если папа что-то решил, сложно настоять на своем.

— Я знаю, что нужно! — Риз подскочила и кинулась в кладовку.

— Только не говори, что и по этому случаю у тебя есть настойка! — страдальчески взывала Сильвена.

— Ты же пифия, должна знать! — пробухтела Риз. Из кладовки доносились грохот, лязганье и неразборчивое бухтение, которое складывалось в многократно повторяющуюся фразу: «Ну где же она?»

Встрепанная, раскрасневшаяся Риз появилась минут через пять. Под мышкой у нее была зажата бутылка, на этот раз с темно-вишневой настойкой, а в руках — пухлый, изрядно зачитанный томик.

— Вот! — Она гордо водрузила на стол потрепанную книгу, на которой золотистыми буквами было написано: «Сорок семь оттенков свежести». На некогда красочной обложке в упоительном поцелуе слились два не очень свежих мертвяка.

— Первое издание, — гордо заявила Риз и погладила засаленную обложку. Похоже, книгу перечитывали, и не один раз.

— Ты это читаешь? — презрительно поджала губки Сильвана, но глаза ее алчно заблестели,

когда она косилась на хит прошлого сезона — зомбо-эротический прорыв бульварной литературы.

Я не знала, ругали его больше или хвалили. И совсем не понимала, как он поможет избавиться от Труселей. Причем не понимала не одна я.

— И зачем ты притащила свое сокровище? — скептически хмыкнула Лира, приподняв томик двумя пальчиками за корешок. Риз тут же возмущенно фыркнула на соседку и отобрала книгу, нежно прижав ее к пышной груди.

— Мы будем на ней клясться! — торжественно заявила подруга.

— В чем? — подозрительно уточнила Сильвана.

— Ну... — Риз оказалась не готова к этому вопросу. — Ну, например, в том, что не будем целоваться, пока не поможем Кассандре избавиться от этих... от... панталонов! — торжественно заключила она.

— От Труселей! — поправили девчонки хором и придвинулись ближе. Теперь они смотрели на книгу с гораздо бóльшим интересом.

Настойка была разлита по рюмкам. Лира достала толстые свечи, и их установили на полу, образовав пентаграмму. Мы встали в центр и торжественно произнесли слова тут же придуманной клятвы, возложив руку на засаленную обложку эротического бестселлера.

— Во имя бутылки с наливкой, святого кастета и романтики, аминь! — торжественно закон-

чила Риз и первой опустошила стопку с настоеккой.

Я с опаской последовала ее примеру. По желудку прокатился теплый комок, и сразу стало как-то уж слишком хорошо.

Глава 2

НЕСМЕРТЕЛЬНЫЕ ПРОКЛЯТИЯ

После того как я выпила еще немного настоечки и поплакалась в жилетку девочкам, поняла, что жизнь, в общем-то, начинает налаживаться. Только вот вряд ли теперь стоит рассчитывать на снисходительное отношение папиного аспиранта. Угрозил же меня шушель изо всех имеющихся в городе представителей противоположного пола выбрать именно этого проклятого блондина!

Леонэлла фон Сирр, оказывается, замещала моего несостоявшегося синеглазого любовника. Досада. Теперь не получится, как я планировала, валять дурака на неинтересном и сложном предмете. Демион, скорее всего, отыграется на мне, даже если будет бояться папиного гнева. А папа и гневаться не станет, только по головке погладит своего младшего коллегу, так как считает: если уж учиться, то хорошо и с усердием, а не как я привыкла.

Эти мысли я и озвучила девчонкам. Быть отстающей не хотелось, позориться — тоже, тем бо-

лее несданные предметы — это хвосты и отчисление. Почему-то я была твердо уверена: папа мне помогать не станет. Нет, я была далека от мысли, что он намеренно начнет меня топить. Но и спуску не даст. Просто так, из принципа и спортивного интереса.

— Да уж... это совсем плохо. — Риз вздохнула. Она так и сидела в обнимку с огромной бутылкой. — О! — встрепенулась подруга. — Сейчас же в учебном корпусе никого нет! Если пойти через переход, то даже охрану не встретишь. Призраки мотаются только на первом этаже у входной двери. Лабораторию, как правило, не закрывают. Из нее сложно стянуть что-либо значимое. Студентов после пар в аудитории не заманишь, а ты можешь потренироваться. Там же есть все необходимое. И защита хорошая. Если вдруг шарахнешь каким проклятием, оно сразу нейтрализуется. Идеальные условия. Тебе бы, Касс, чуть-чуть потренироваться. Научиться самому элементарному, тогда, даже если в теории будут пробелы, все равно никто особо не придерется. Зачет-то практический.

— Не-е-е, — протянула Лира. — Лаборатория закрыта. После того как в прошлом году выпускники устроили пожар на третьем этаже, двери запирают. Так что этот вариант не прокатит, придется тебе, Кассандра, завтра на парах краснеть. Ну не выгонит же он тебя.

— Не придется! — упрямо заявила я. — Думаете, с моим несносным характером меня никогда и нигде не запирали? Папе развлекаться таким об-

разом надоело, когда мне исполнилось лет десять. Слуги были твердо уверены, что я просто умею просачиваться сквозь стены, иначе почему они натываются на меня буквально везде? Меня так веселил испуг нянюшек, когда я подкрадывалась сзади и говорила: «Бу!». Они визжали, словно увидели мышь. Слишком нервные уходили через неделю, а вот стойкие очень скоро переставали реагировать на провокации. Но я придумывала новые. — Губы растянулись в улыбке, и я мечтательно прикрыла глаза, но почти сразу же вспомнила о теме разговора и продолжила: — В пансионе меня сажали на хлеб и воду, а я ночами бегала ужинать на кухню. Меня никто не заподозрил, винили, как водится, шушеля. Кто же еще может тырить ночами еду в пансионе благородных девиц? Так что если замок на двери не слишком мудреный, то я его открою без проблем. Навыком домушницы владею. Главное, чтобы там этого блондинчика не было. Я так понимаю, лаборатория закреплена за ним?

— Демиона? Не смейся! — хмыкнула Лира. — Не переживай. Он сейчас отдыхает и кутит. Он умный, но никогда не перерабатывает. Поверь. Чтобы умудриться развлекаться, когда работаешь под началом твоего отца, тоже нужен талант. Мало кому удастся. У нас все препода практически живут на работе. Почти всех хватает ненадолго, поэтому текучка большая.

— Ага, папа сам такой же, поэтому и уточняю. У нас дома все жили по принципу «Делай что-нибудь, только не сиди».

— Как раз твой красавчик — редкое исключение.

— Он не мой! — Я отмахнулась и убежала исполнять задуманное, вполне довольная собой.

Как и обещали девчонки, я без проблем попала в опустевший и непривычно тихий учебный корпус. Мне казалось, что хмель из головы уже выветрился, только стены в коридорах почему-то немного качались. Но сейчас это обстоятельство было мелким и несущественным.

Правда, касаясь призраков-охранников мои подружки ошиблись. Несколько неясных, тихо подвывающих теней летало впереди. Я почему-то посчитала, что, если проползу на четвереньках под зависшими в воздухе охранниками, они меня точно не заметят. Призраки, учуяв ползущую по пыльному полу студентку, нависли над рыжей макушкой и завывали сильнее. По спине пробежали мурашки, а в коридоре отчетливо похолодало. Особенно смелый даже бряцнул два раза цепями над моей головой. Пришлось отвлечься и грозно рыкнуть, копируя интонации отца:

— Что развозмущались? Не знаете, на кого цепями гремите! Я, между прочим, дочка ректора! Где хочу, там и ползаю! Вот позову папу, и будет вам!

Я решила не уточнять, что если папа прознает, чем я занимаюсь темной ночью, «будет» скорее мне, а не им.

Призраки то ли ошалели от моей наглости, то ли просто помчались жаловаться, но исчезли из

коридора довольно быстро, а я продолжила путь дальше. До двери оставалось совсем чуть-чуть, поэтому с четверенок я подниматься не стала.

Замок я вскрыла быстро, будто в руках у меня оказалась не шпилька для волос, одолженная Лирой, а настоящий ключ. Самое главное — все получилось сделать бесшумно.

Правда, радовалась я зря, так как, когда пробралась внутрь помещения, едва не свалила огромный скелет горного тролля, к которому был приделан слишком маленький для такого роста и размаха плеч человеческий череп. В остальном скелет был как у человека, только в полтора раза больше, и кости на нем изучать удобнее. Ну а череп заменили на человеческий. Зачем скелет стоял здесь, я не понимала, но вообще такими украшениями часто славились скудные интерьеры многих аудиторий. Видимо, их использовали вместо цветочных ваз. К счастью, углубленно анатомию изучали только травники, нам же — магам, работающим с проклятиями, — давали лишь поверхностные сведения.

Я негромко хлопнула в ладоши, и на стенах вспыхнули магические светильники. Помещение именовалось лабораторией по неведомой мне причине. Аудитория как аудитория, только места больше, и за рядами парт что-то наподобие небольшого спортивного зала. Ну и стены выполнены из особого материала, способного поглощать излишки магической энергии, что выпустили на волю маги-недоучки.

А еще здесь, в самом центре аудитории, между вторым и третьим рядом парт, стоял радужный магический столб-источник. Он вырос из пола и уходил в потолок. По нему циркулировала магическая энергия. Ее было много, и даже здесь, у преподавательской кафедры, я чувствовала теплое дуновение и несильные импульсы, словно кто-то пытался проникнуть сквозь защитную оболочку. Подзарядиться у источника мог каждый желающий. Я не стала отказываться и открылась, поглощая силу по чуть-чуть, не торопясь и смакуя.

Так как мне не нужно было много пространства для занятий (я же не маг-боевик), я устроилась прямо на месте преподавателя. Расположилась вольготно, откинувшись на спинку стула и водрузив ноги на стол, заваленный бумагами и склянками. А что? Нам говорили: комфорт прежде всего. Только маг, которому удобно, способен сосредоточиться и собрать нужное количество силы. По крайней мере, на первых порах, пока не выработался необходимый навык.

Риз была полностью права: мне простят пробы в теоретических знаниях, но если я не смогу создать хотя бы маленький черный сгусток энергии, в который можно поместить самое завальщее проклятие, никто со мной возиться не станет, и в летнюю сессию меня отчислят. Все остальные мои сокурсники азы постигли еще на первых занятиях, полгода назад, пока я музицировала в пансионе благородных девиц.